

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-317-322

ВЕРБИЦКИЙ Богдан Александрович,
Аспирант (ИЗуСП), магистр частного права (РШЧП),
e-mail: Bogdanverbitskoy@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДИСТИНКЦИИ МЕЖДУ ОСНОВНЫМИ ТЕОРИЯМИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УДОСТОВЕРЯЕМЫХ ТОВАРОРАСПОРЯДИТЕЛЬНЫМИ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа отечественной и зарубежной доктрины и позитивного права устанавливается корректная дистинкция между основными теориями определения удостоверяемых товарораспорядительными ценными бумагами имущественных ценностей и делается вывод о степени противопоставимости удостоверяемого данными бумагами притязания в зависимости от избранной тем или иным правопорядком теории товарораспорядительных ценных бумаг в контексте соответствующих современных зарубежных континентальных правопорядков.

Ключевые слова: товарораспорядительные ценные бумаги, относительные теории, абсолютная теория, непосредственное владение, опосредованное владение, право собственности, видимость права.

VERBITSKII Bogdan Aleksandrovich,
PhD student (The Institute of Legislation and Comparative Law),
MA (Russian School of Private Law)

ON THE QUESTION OF ESTABLISHING A DISTINCTION BETWEEN THE MAIN THEORIES OF DETERMINING PROPERTY VALUES CERTIFIED BY COMMODITY SECURITIES OF DISPOSAL

Annotation. In this article, based on the analysis of domestic and foreign doctrine and positive law, a correct distinction is established between the main theories of determining property values certified by securities of title and a conclusion is made on the degree of opposition of the claim certified by these securities depending on the theory of securities of title chosen by a particular legal order in the context of the corresponding modern foreign continental legal orders.

Key words: Securities of title, relative theories, absolute theory, direct possession, indirect possession, ownership, appearance of right.

Основная часть исследования.

Следуя той или иной теории товарораспорядительных ценных бумаг (далее – ТРЦБ), правопорядок наделяет последние теми имущественными ценностями, которые позволяют реализовать распорядительную функцию таких документов и, как следствие, осуществить распорядительную власть на вещь как представляемый ими в обороте объект прав. В свою очередь, состав имущественных ценностей обусловлен воспринятой правопорядком моделью передачи права собственности на движимую вещь (в частности – моделью купли-продажи), коль скоро призван нивелировать связанную с отсутствием вещи в фактическом господстве одной из сторон невозможность вы-

полнения требуемого позитивным правом фактического состава для такого транслятивного правопреемства. И если правопорядки, придерживающиеся принципа соглашения, исчерпывают состав удостоверяемых ТРЦБ имущественных ценностей опосредованным владением, что соответствует строго относительной теории, то почти все (за редким исключением (Исключение составляет, например, швейцарский правопорядок, наделяющий товарораспорядительную ценную бумагу способностью удостоверять, помимо опосредованного и непосредственного владения, право собственности формально легитимированного владельца данного документа на вещь, на которую он был выдан)) правопорядки, реализовавшие принцип

разъединения, избирают умеренно относительную, наделяя данные документы способностью удостоверить также (помимо опосредованного владения) непосредственное владение вещью. Рассмотрим более предметно обозначенные теории.

В соответствии со строго относительной теорией ТРЦБ удостоверяет опосредованное владение вещью как объектом индивидуально-определенного обязательства, являющегося каузой выдачи такого документа, в связи с чем для распоряжения (применительно к возмездному отчуждению) данной вещью формально легитимированному последним лицу надлежит соблюсти следующий фактический состав: 1) заключить с приобретателем ДКП вещи как основание для передачи права собственности на нее и 2) передать права на ТРЦБ как документ, обеспечивающий, в первую очередь, видимость вещи и, в частности, индивидуализирующий ее, и, во вторую очередь, позволяющий в результате получения исполнения по нему обрести фактическое господство над представляемой им вещью [8].

И коль скоро сделки, направленные на передачу права собственности, знаменуют собой индивидуально-определенные обязательства, то даже в рамках системы соглашения надлежащее выполнение программы обязательства его сторонами, в частности достижение перехода права собственности от продавца к покупателю, невозможно без индивидуализации вещи, производимой в случае непосредственного владения ею продавцом, например, путем ее вручения либо демонстрации покупателю (применительно к так наз. «незаменимым вещам»), ее выборки (в зависимости от условий либо существа обязательства) продавцом либо покупателем (применительно к так наз. «заменимым вещам»), и при отсутствии в фактическом господстве продавца вещи посредством распорядительного документа на нее.

Аналогичные строго относительной теории требования к фактическому составу предъявляются и в рамках умеренно относительной теории (применительно к возмездному отчуждению движимой вещи): 1) договор купли-продажи вещи (далее – ДКП) и 2) передача прав на представляющий данную вещь документ [9]. ТРЦБ (в соответствии с умеренно относительной теорией) удостоверяет не только опосредованное, но и непосредственное владение вещью. Между тем надлежит отметить, что семантическое проявление именуемой в качестве «непосредственного владения» имущественной ценности в составе иных удостоверяемых ТРЦБ имущественных ценностей не соответствует ее истинной правовой природе в связи со следующим.

ТРЦБ удостоверяет индивидуально-определенное обязательство, являющееся основанием для установления в отношении его объекта в пользу одного (формально-легитимированного ТРЦБ) лица опосредованного владения, производного от непосредственного владения, осуществляемого в соответствии с программой такого правоотношения другим (должником по ТРЦБ) лицом. Так, фактическое господство над объектом удостоверяемых ТРЦБ имущественных отношений принадлежит должнику по такому документу, а формально легитимированное бумагой лицо обладает исключительно опосредованным владением. Следовательно, непосредственное и опосредованное владение вещью принадлежат разным лицам, а передача прав на ТРЦБ способна повлечь за собой лишь перемену субъекта опосредованного владения (представляемой таким документом) вещью, исходя из принципа *nemo plus juris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*. И коль скоро вне зависимости от избранной правопорядком модели купли-продажи европейская континентальная правовая традиция указывает на необходимость фактической передачи (непосредственного владения) вещи для возникновения абсолютного эффекта перехода права собственности, то, как следствие, передача ТРЦБ не может иметь отличный от относительного эффект передачи прав на вещь, представляемую данным документом.

В связи с этим любая удостоверяемая ТРЦБ имущественная ценность будет иметь лишь относительный эффект. А поскольку правопорядки, придерживающиеся принципа разъединения, для перехода права собственности, хотя и имеющего относительный эффект, требуют выполнения следующего фактического состава: 1) достижения консенсуса сторон в форме ДКП, знаменующего собой обязывающую сделку, 2) совершение сделки – суррогата передачи непосредственного владения, в частности посредством достижения консенсуса в форме такого вещного договора как *constitutum possessorium*, сочетающего в себе черты как обязывающей, так и распорядительной сделки, в момент совершения которой требуется фактическое господство над ее объектом одной из сторон (Например, Германия), постольку ТРЦБ в целях выполнения документом распорядительной функции путем восполнения недостающего фактического состава создается следующая фикция: формально легитимированное и осуществляющее фактическое господство над ТРЦБ лицо осуществляет фактическое господство и над представляемой документом вещью. Следовательно, «непосредственное владение» как имущественная ценность в составе ТРЦБ есть лишь фикция, позволяющая компенсировать отсутствие у фор-

мально легитимированного отчуждателя представляемой документом вещи в фактическом господстве (истинном непосредственном владении) и служащая функциональным эквивалентом последней исключительно в одном отношении – установлении опосредованного владения в пользу покупателя вещи.

Таким образом, наделение ТРЦБ способностью удостоверяять непосредственное владение вещью в рамках умеренно относительной теории не позволяет говорить об отличном (в сравнении со строго относительной теорией) положении ставшего формально легитимированным владельцем такого документа покупателя. Последний получает опосредованное владение и право собственности на представляемую ТРЦБ вещь, однако имеющее юридическую силу для сторон ДКП и должника по документу, а равно лишь относительный эффект. В свою очередь, абсолютный эффект будет достигнут исключительно в момент получения покупателем вещи в фактическое господство посредством исполнения должником по ТРЦБ удостоверяемого таким документом обязательства. Так, до обозначенного исполнения притязание формально легитимированного ТРЦБ лица на представляемую ею вещь имеет лишь относительный эффект (вне зависимости от состава удостоверяемых ТРЦБ имущественных ценностей), в связи с чем может быть противопоставлено лишь ограниченному (знакомому с содержанием документа) кругу лиц, и, как следствие, не может быть противопоставлено следующим посягающим на нее третьим лицам: 1) заявившему виндикационное требование собственнику вещи (вне зависимости от основания утраты владения) – в случае отчуждения вещи не обладающим распорядительной властью лицом; 2) другому покупателю, а) достигшему направленного на создание обязанности на стороне продавца по передаче вещи в собственность соглашения прежде совершения такового продавцом с формально легитимированным ТРЦБ лицом либо б) обретшему фактическое господство над вещью (вне зависимости от момента достижения указанного соглашения) – в случае многократной продажи вещи имеющим распорядительную власть лицом. В связи с обозначенным строго относительная и умеренно относительная теории функционально целесообразны исключительно в придерживающихся системы соглашения и системы разъединения правопорядках соответственно.

Единственным примером придерживающегося абсолютной теории ТРЦБ является избравший систему разъединения в качестве модели купли-продажи швейцарский правопорядок.

По мнению Е. Неуманн, ТРЦБ удостоверяет

право собственности на вещь, а также опосредованное и непосредственное владение ею, в связи с чем передачи прав на ТРЦБ достаточно для передачи права собственности на представляемую ею вещь [10]. Следовательно, фактический состав распорядительной сделки в отношении представляемой ТРЦБ вещи озаглавлен исключительно передачей прав на такую ценную бумагу. Данное понимание состава имущественных ценностей, удостоверяемых ТРЦБ, является господствующим в швейцарской доктрине [11].

Между тем приведенный подход к квалификации состава удостоверяемых ТРЦБ имущественных ценностей знаменует собой правило, выведенное из швейцарской практики совершения распорядительных сделок в отношении представляемых документом вещей, а не полученное в результате буквального толкования положений швейцарского гражданского законодательства. Так, в соответствии с § 925 ШГУ «Если ценные бумаги, представляющие товар, выданы на товар, переданный перевозчику либо складу, передача такого документа считается передачей самого товара». Из указанной нормы не явствует следование юридической судьбе ТРЦБ имущественных прав на представляемую им вещь. Данные положения артикулируют исключительно приравнивание к передаче вещи передачи ТРЦБ на нее. Между тем швейцарское гражданское право придерживается принципа разъединения. Передача вещи направлена на исполнение ДКП, без которого она не является действительной. Однако (в отличие от Германии) не признается самостоятельной сделкой (вещным договором), а является лишь, как отмечает Р. Сакко, «материальным актом» [12]. Таким образом, основываясь исключительно на системном толковании норм швейцарского позитивного права, 1) закрепляющих правила (объем фактического состава) совершения распорядительных сделок в отношении движимых вещей и 2) приравнивающих передачу ТРЦБ к передаче представляемой ею вещи, надлежит заключить недостаточность одной лишь передачи прав на ТРЦБ для передачи прав на представляемую ею в обороте вещь за невыполнением фактического состава.

Однако швейцарские правоприменительная практика и следующая за ней доктрина (базирующаяся преимущественно на сформулированной Е. Неуманн теории), как отмечается в последней, усматривают допустимость расширительного толкования положений о влиянии передачи прав на распорядительный документ на юридическую судьбу представляемой им вещи в целях упрощения совершения сделок с товарами, находящимися либо в пути (в связи с их морской или железно-

дорожной перевозкой), либо на товарном складе посредством сокращения требуемого *de lege lata* фактического состава, подлежащего выполнению для достижения преследуемой сторонами известной распорядительной сделки правовой цели [13].

Данное сокращение фактического состава проявляется в приведенной нами выше его редукции к совершаемому с целью передачи прав на распорядительный документ (применительно к возмездному отчуждению) ДКП ТРЦБ и его исполнению посредством передачи ТРЦБ в соответствии с установленными позитивным правом правилами формальной легитимации ее владельца (например, для ордерной ТРЦБ – посредством учинения индоссамента и вручения документа).

Вместе с тем говорить об отличном положении покупателя, в качестве исполнения по ДКП получившего вместо самой вещи распорядительный документ на нее, в Швейцарии относительно аналогичных покупателей в рамках правопорядков, придерживающихся умеренно относительной и строго относительной теорий, не представляется корректным в связи со следующим.

Подобно другим континентальным правопорядкам (вне зависимости от избранной ими модели купли-продажи), швейцарское позитивное право связывает наступление абсолютного эффекта перехода права собственности на вещь с моментом обретения покупателем фактического господства над последней (Данное правило отражено, в частности, в положениях § 924 ШГУ, в соответствии с которыми владение вещью может быть приобретено без передачи, если третье лицо или сам продавец остаются во владении вещью на основании специальных договорных отношений (им. в виду – соглашение об установлении владения (*constitutum possessorium*) (по смыслу абз. 1), однако последние будут иметь юридическое значение лишь для уведомленных об их наличии третьих лиц (по смыслу абз. 2). Следовательно, владение движимой вещью может быть передано и отличными от вручения (передачи непосредственного владения) способами, а равно суррогатами передачи владения, однако способными повлечь за собой исключительно относительный эффект передачи и, как следствие, перехода права собственности. И коль скоро ТРЦБ удостоверяет индивидуально-определенное обязательство, программе которого имманентно присуще лишь производное владение вещью формально легитимированным лицом, в связи с чем при определении юридической судьбы представляемой документом вещи последний не может передать более, чем *constitutum possessorium*, то передача прав на бумагу и в швейцарском правопорядке знаменует собой частный случай установления договорного

владения, юридический эффект которого исключительно относительный. Данный вывод находит подтверждение и в указывающих на непротивопоставимость удостоверяемых распорядительным документом притязаний ее формально легитимированного владельца притязаниям третьих лиц, посягающих на тот же объект гражданских прав, положениях абз. 2 § 925 ШГУ, в соответствии с которыми если добросовестному получателю оборотного документа (им. в виду – распорядительный документ) противостоит добросовестный получатель товара (им. в виду получившее фактическое господство над представляемой ТРЦБ вещью, не осведомленное о наличии притязаний третьих лиц, в частности владельца документа, на последнюю вещь), то последний имеет приоритет перед первым. Так, положения § 925 ШГУ, определяющие юридический эффект от передачи прав на ТРЦБ, являются специальными по отношению к § 924 ШГУ, а удостоверяемое ТРЦБ производное владение вещью не является более сильным (по степени противопоставимости), чем иные суррогаты непосредственного владения. Следовательно, вместе с самим распорядительным документом удостоверяемые им имущественные ценности, включая «непосредственное владение» и «право собственности», имеют лишь относительный эффект). Вместе с тем представляется возможным полагать, что абсолютная теория для швейцарского права является избыточной (Так, право собственности с относительным эффектом достигается в соответствии с каждой из обозначенных теорий, а «непосредственное владение» как заключенная в распорядительный документ ценность, являющаяся относительным инструментальным эквивалентом истинного непосредственного владения (фактического господства над вещью), необходима лишь в тех правопорядках, которые для заключения *constitutum possessorium* требуют непосредственного владения вещью одной из сторон такого вещного договора, коль скоро позволяет передающему ТРЦБ продавцу представляемой документом вещи признаваться ее фактическим владельцем в момент совершения известной распорядительной сделки, нивелируя с помощью данной фикции неполноту фактического состава. Следовательно, «непосредственное владение» как имущественная ценность есть предпосылка возможности передачи ключевой из удостоверяемых распорядительным документом имущественной ценности – «опосредованного владения», на достижение которой направлено и заключение «права собственности» (применительно к абсолютной теории) в распорядительный документ, позволяющее в упрощенном (относительно присущего строго относительной

и умеренно относительной теориям фактических составов) порядке достигнуть распорядительной телеологии ТРЦБ как института. И если германское позитивное право не допускает *constitutum possessorium* без фактического господства над вещью одной из сторон такого обязательства, чем и обусловлено наделение ТРЦБ способностью создавать фикцию непосредственного владения, то швейцарское гражданское законодательство допускает возможность достижения *constitutum possessorium* при отсутствии в непосредственном владении вещи у одной из сторон такого соглашения, закрепляя в положениях § 924 ШГУ достаточность обладания продавцом вещью посредством держания такой вещи другим лицом в пользу первого на основании договора. Следовательно, строго относительная теория способна в полной мере реализовать распорядительный функционал товарораспорядительной ценной бумаги как удостоверяющего *constitutum possessorium* документа, а равно наделить ее формально легитимированного обладателя опосредованным владением и правом собственности на вещь с относительным эффектом, а также, как следствие, вытекающие из последнего последствия для его обладателя (хотя и в рамках удостоверяемого ТРЦБ обязательства), в частности, переход риска случайной гибели вещи). Кроме того, признание швейцарским позитивным правом возможности установления производного владения при отсутствии у сторон такой сделки вещи в фактическом господстве практически нивелирует основания для проведения дистинкции между системой соглашения и реализованной в Швейцарии моделью купли-продажи. На это указывает и Р. Сакко [14]. Однако отметим, что правовед в приведенном тезисе под «переходом собственности» понимает исключительно имеющее абсолютный эффект транслятивное правопреемство, определяя в связи с этим швейцарскую систему как промежуточную между классическими системами соглашения (франко-итальянское решение) и системой разъединения (австро-германское решение), а равно разделяющую куплю-продажу на обязывающую и распорядительную сделки (признак системы разъединения), однако допускающую переход риска к покупателю в аналогичный для системы соглашения момент, применяя в качестве критерия для проведения дистинкции достаточность консенсуса как исчерпывающего фактический состав распорядительной сделки юридического факта для перехода права собственности, что, однако, является ошибочным, коль скоро единственно корректным критерием для сравнения является достаточность консенсуса сторон договора купли-продажи для 1) установления опосредованного владения покупа-

теля при отсутствии объекта такого обязательства в момент его совершения в фактическом господстве одной из сторон и, как следствие, 2) перехода права собственности к покупателю, хотя и имеющего лишь относительный эффект до момента обретения последним фактического господства над вещью (вне зависимости от избранной правопорядком модели купли-продажи), влекущего за собой переход риска случайного повреждения либо гибели вещи. Следовательно, обладающее признаками системы соглашений швейцарское позитивное право, позволяющее переносить риск случайных гибели либо повреждения вещи на покупателя в момент достижения соглашения (ДКП), указывает на достаточность наделения распорядительного документа в рамках швейцарского правопорядка способностью удостоверить опосредованное владение представляемой данной ценной бумагой вещи и избыточность отдельной артикуляции в положениях § 925 ШГУ приравнения передачи документа к передаче вещи.

Однако стоит отметить, что удостоверяемое посредством распорядительного документа *constitutum possessorium* создает преференциальный режим для опосредованного владельца в сравнении с не получившим закрепления в данном виде ценной бумаге опосредованным владением в следующем отношении. Так, в соответствии с положениями абз. 3 § 924 третье лицо может отказать передать имущество приобретателю по тем же причинам, по которым оно могло отказать продавцу. Под «третьим лицом» надлежит понимать лицо, осуществляющее непосредственное владение вещью в соответствии с программой договорного правоотношения для другого лица – опосредованного держателя. В случае совершения распорядительной сделки в отношении вещи, представляемой распорядительным документом, таким третьим лицом является хранитель (договор хранения на товарном складе) либо перевозчик (по договору морской перевозки по коносаменту), а его возражения к формально легитимированному документом покупателю будут ограничены лишь теми, что следуют из содержания такой ценной бумаги либо иных документов, ссылку на которые она содержит. Данные ограничения возражений не применяются в том случае, если формально легитимированным ТРЦБ лицом является сторона договорных правоотношений, явившихся основанием для выдачи документа, что знаменует собой следствие принадлежности последнего к ценной бумаге как институту, создающему видимость права и защищающего разумные ожидания добросовестно полагающихся на нее участников оборота.

Заключение

В рамках швейцарского правопорядка лицо, заключая ДКП и получая в качестве его исполнения ТРЦБ, до получения исполнения является обладателем опосредованного владения представляемой таким документом вещью и обладателем права собственности на нее, однако имеющего лишь относительный эффект, что не отличает его правовое положение от положения таких же покупателей в рамках правопорядков, придерживающихся строго относительной и умеренно относительной теориями. Единственным отличием абсолютной теории от двух проявлений относительной теории является сокращенный в сравнении с последними фактический состав, достижение которого необходимо для выполнения ТРЦБ распорядительной функции.

Список литературы:

- [1] C. Vivante. *Trattato di diritto commerciale* // v.iii, 1924.
- [2] E. Jacobi E. Jacobi: *Die Wertpapiere im Bürgerlichen Recht des Deutschen Reiches*, Jena 1901.
- [3] Heymann E. *Die dingliche Wirkung der Traditionspapiere*, 1905.
- [4] Wieland C., *Das Sachenrecht des schweizerischen Zivilgesetzbuches* (комментарий к § 925);.
- [5] Stark Emil W., *Berner Kommentar zum schweizerischen Privatrecht*, Band IV, Besitz und Grundbuch, 3. Abteilung, 1. Teilband, Der Besitz, Art. 919-941 ZGB, 3. A., Bern 2001;.
- [6] Peter Apathy: *Österreichisches Bankvertragsrecht*. Band IX, 2012, S. 280.
- [7] Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. В40 в честь проф. Б. Л. Хаскельберга / Под ред. Д. О. Тузова. – М.: Статут, 2008. – С. 177 (Библиотека «Цивилистические исследования»).
- [8] Более подробно см.: C. Vivante. Указ. соч. – С. 80-111.
- [9] Более подробно о фактическом составе в соответствии с умеренно относительной теорией ТРЦБ См: E. Jacobi, Указ. соч. С. 243-251.
- [10] Heymann E. *Die dingliche Wirkung der Traditionspapiere*, 1905.
- [11] См., например, Wieland C., *Das Sachenrecht des schweizerischen Zivilgesetzbuches* (комментарий к § 925) Stark Emil W., *Berner Kommentar zum schweizerischen Privatrecht*, Band IV, Besitz und Grundbuch, 3. Abteilung, 1. Teilband, Der Besitz, Art. 919-941 ZGB, 3. A., Bern 2001; Peter Apathy: *Österreichisches Bankvertragsrecht*. Band IX, 2012, S. 280.
- [12] Вещные права: система, содержание,

приобретение: Сб. науч. тр. В40 в честь проф. Б. Л. Хаскельберга / Под ред. Д. О. Тузова. – М.: Статут, 2008. – С. 177 (Библиотека «Цивилистические исследования»).

[13] Wieland C. Указ. соч. С 459-461.

[14] (Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. В40 в честь проф. Б. Л. Хаскельберга / Под ред. Д. О. Тузова. – М.: Статут, 2008. – С. 183.

References:

[1] C. Vivante. *Trattato di diritto commerciale* // v.iii, 1924.

[2] E. Jacobi E. Jacobi: *Die Wertpapiere im Bürgerlichen Recht des Deutschen Reiches*, Jena 1901.

[3] Heymann E. *Die dingliche Wirkung der Traditionspapiere*, 1905.

[4] Wieland C., *Das Sachenrecht des schweizerischen Zivilgesetzbuches* (комментарий к § 925);.

[5] Stark Emil W., *Berner Kommentar zum schweizerischen Privatrecht*, Band IV, Besitz und Grundbuch, 3. Abteilung, 1. Teilband, Der Besitz, Art. 919-941 ZGB, 3. A., Bern 2001;.

[6] Peter Apathy: *Österreichisches Bankvertragsrecht*. Band IX, 2012, S. 280.

[7] Property rights: system, content, acquisition: Sat. scientific. tr. V40 in honor of prof. B. L. Haskelberg/Ed. D. O. Tuzova. - M.: Statute, 2008. - C. 177 (Civilistic Research Library).

[8] For more details see: C. Vivante. Decree. Op.- P. 80-111.

[9] For more details on the actual composition according to the moderately relative theory of SEC See: E. Jacobi, Decree. Op. S. 243-251.

[10] Heymann E. *Die dingliche Wirkung der Traditionspapiere*, 1905.

[11] См., например, Wieland C., *Das Sachenrecht des schweizerischen Zivilgesetzbuches* (комментарий к § 925) Stark Emil W., *Berner Kommentar zum schweizerischen Privatrecht*, Band IV, Besitz und Grundbuch, 3. Abteilung, 1. Teilband, Der Besitz, Art. 919-941 ZGB, 3. A., Bern 2001; Peter Apathy: *Österreichisches Bankvertragsrecht*. Band IX, 2012, S. 280.

[12] Property rights: system, content, acquisition: Sat. scientific. tr. V40 in honor of prof. B. L. Haskelberg/Ed. D. O. Tuzova. - M.: Statute, 2008. - C. 177 (Civilistic Research Library).

[13] Wieland C. Decree. Op. FROM 459-461.

[14] (Property rights: system, content, acquisition: Sat. scientific. tr. V40 in honor of prof. B. L. Haskelberg/Ed. D. O. Tuzova. - M.: Statute, 2008. – С. 183.